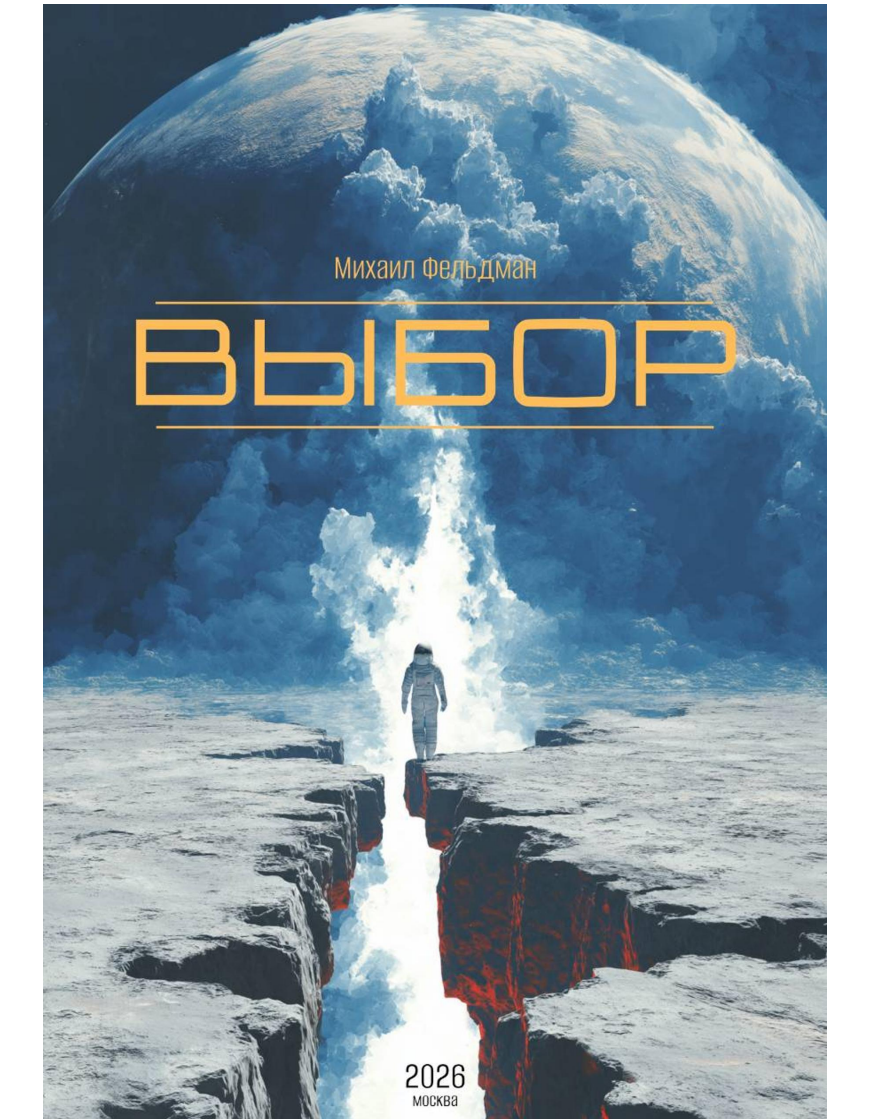

Михаил Фельдман

ВЫБОР

2026
МОСКВА

Михаил Фельдман

Выбор

<https://litres.ru/74245747>

SelfPub; 2026

Аннотация

Луна падает на Землю. Спасти человечество может только она — женщина, которая не помнит собственного имени. Счет идет на недели.

Элина Варгас приходит в сознание в разбитом посадочном модуле. Ее команда мертва, память стерта, а в недрах Луны пробуждается нечто, что неумолимо меняет лунную орбиту. У нее есть запас кислорода, ровер и приказ, который она сама же себе и оставила: спуститься в ад, найти врага и договориться с ним.

Или умереть, забрав его с собой.

Эта книга не даст вам уснуть. Она заставит вас надеяться, что физику можно обмануть и плакать над решениями, у которых нет правильного ответа. Если вы любите научную фантастику, где за цифрами стоят люди, а за галактическими масштабами — личная боль, открывайте первую главу. Вас ждут космос и смыслы, которые вы не ожидаете найти в выдуманной истории о конце света.

Содержание

ПРОЛОГ	4
ГЛАВА 1	12
ГЛАВА 2	22
ГЛАВА 3	31
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Выбор

*Тем, кто подарил мне жизнь, и тем, кто
наполнил ее смыслом.*

ПРОЛОГ

Станция дальнего слежения «Лагранж-2», точка L2 системы Земля-Луна

18 декабря 2034 года

03:47 по бортовому времени

Лейтенант Кира Танака ненавидела ночные смены не потому, что они нарушали циркадные ритмы. И не потому, что кофе в автомате к третьим суткам дежурства приобретал вкус жженой резины. И даже не потому, что тишина на станции в этот час становилась какой-то... осязаемой. Густой, как патока, и такой же липкой.

Она ненавидела их, потому что именно в ночные смены случалось все дерьмо.

Этому ее научили на флоте. Три года службы на авианосце «Джеральд Форд», потом — два года в Космических Силах, патрулирование сектора Цислунар. Аварии, нападения, сбои — все это имело одну общую черту. Они происходили между двумя и четырьмя часами утра. Будто Вселенная выбирала момент, когда человеческий мозг максимально уязвим, и

наносила удар.

Сегодня был именно такой час.

Кира сидела в кресле оператора дальней телеметрии, поджав под себя ноги (формально запрещено, но кому какое дело в три часа ночи?), и лениво пролистывала сводки с лунной орбитальной группировки. Десять спутников, равномерно распределенных по полярным орбитам, мониторили все, что можно мониторить: гравитационное поле Луны с точностью до миллионных долей гала, сейсмическую активность, температуру поверхности в разных диапазонах, радиационный фон, альbedo, спектральный состав реголита. Терабайты данных в час. Океан информации, в котором можно было утонуть.

Три года назад китайцы нашли в кратере Шеклтон аномалию.

Кира помнила ту историю — она тогда еще служила на флоте. Миссия «Чанъэ-12» проводила сейсмическое зондирование южного полюса Луны в поисках водяного льда. И нашла кое-что другое. Полость. Огромную, идеально сферическую полость в лунной мантии на глубине пятнадцати километров. Диаметром около ста метров.

Находка вызвала фурор, но не панику. Лавовые трубки, карстовые пустоты, пузыри в остывающей магме — мало ли что может образоваться в недрах космического тела за миллиарды лет. Странно, что полость была идеально круглой? Да. Необъяснимо? Нет. Природа иногда создает правильные

формы. Достаточно посмотреть на пчелиные соты.

А потом полость начала расти.

Сантиметр в месяц. Два. Пять. Медленно, почти незаметно — нужно было сопоставлять данные за долгий период, чтобы увидеть тенденцию. Кира сама писала тот отчет, в котором объясняла расширение естественными процессами: термальным расширением породы, микротрещинами, погрешностью измерений. Ей поверили. Она сама себе поверила.

Сейчас, глядя на свежие цифры, она понимала: это была ложь. Не сознательная — нет. Просто человеческий мозг не хочет верить в плохое. Он всегда найдет объяснение, которое позволит спать спокойно.

Сегодня цифры не оставляли места для спокойствия.

Кира моргнула, глядя на экран. Моргнула еще раз. Потерла глаза — может быть, усталость играет с ней злую шутку. Потом вызвала диагностику системы. Диагностика показала: все в порядке.

— Чушь, — сказала она вслух.

Собственный голос в пустой рубке показался чужим. Кира встала, подошла к автомату, налила кофе — пятую кружку за смену. Вернулась. Посмотрела на экран.

Цифры не изменились.

Гравитационное поле Луны. Норма — примерно 1.62 метра на секунду в квадрате на поверхности. Варьируется в зависимости от рельефа, от подповерхностных структур, от

множества факторов. Но среднее значение — константа. Как скорость света. Как заряд электрона. Одна из тех величин, которые остаются неизменными.

Эта величина менялась.

Снижение было микроскопическим — тысячные доли процента. Но оно было глобальным. Не локальная аномалия в районе Шеклтона — нет. Все поле. Вся Луна.

— Этого не может быть, — сказала Кира.

Она открыла второе окно — данные об орбитальной скорости. И похолодела.

Орбита Луны снижалась. Параметры становились нестабильны. Она падала. Потери были ничтожными, едва заметными, но они были постоянными. И — Кира вызвала график за последние девяносто дней, ее сердце пропустило удар — она ускорялась.

Экспонента.

Самое страшное слово в физике. Экспоненциальный рост означает, что процесс не просто продолжается. Он лавинообразно нарастает. Капля за каплей, потом струя, потом поток, потом водопад.

Кира схватила планшет и вбила данные в простой симулятор орбитальной механики. Программа думала несколько секунд. Потом выдала результат.

Предел Роша.

Это было имя приговора. Предел Роша — расстояние от планеты, внутри которого приливные силы начинают пре-

восходить гравитационные связи спутника. Если такой спутник оказывается за этой чертой, его разрывает на части. Луна превращается в кольцо обломков. А затем эти обломки падают на Землю.

— Четырнадцать месяцев, — прошептала Кира, глядя на цифру. — Четырнадцать месяцев и три дня.

Она представила себе это. Миллиарды тонн камня, разрывающие атмосферу. Ударные волны. Цунами. Землетрясения. Небо, закрытое пеплом на десятилетия. Конец всего.

Руки дрожали, когда она набирала номер.

— Вы знаете, который час, Танака? — голос доктора Пателя был сонным, но не раздраженным. Патель был из тех людей, которые понимают: если ему звонят в три часа ночи, значит, случилось что-то действительно важное.

— Сэр, Луна падает.

Пауза. Кира слышала, как Патель дышит. Слышала, как скрипнула кровать — он сел.

— Повторите, — сказал он. Голос изменился. Сонливость исчезла. Остался только холодный профессионализм.

— Орбита Луны нестабильна, — Кира говорила быстро, проглатывая слова. — Нестабильность началась примерно девяносто дней назад. Сейчас она ускоряется по экспоненте. Если тенденция сохранится — а нет причин, чтобы она не сохранилась, — через четырнадцать месяцев и три дня Луна пересечет предел Роша. Гравитационные силы разорвут спутник. Обломки упадут на Землю.

— Погрешность?

— Исключена. Я проверила данные со всех десяти спутников. Показания сходятся с точностью до пятого знака.

— Альтернативные объяснения?

— Сбой оборудования, солнечная вспышка, гравитационное воздействие пролетающего астероида... — Кира перечислила все, что приходило в голову. — Но ни одно не объясняет экспоненциальный характер. Это не внешнее воздействие, сэр. Это что-то внутри Луны. Что-то, что уменьшает ее массу.

Снова пауза. На этот раз долгая. Кира слышала, как Патель включает компьютер — характерный звук загрузки, потом быстрые щелчки клавиш.

— Я вижу данные, — сказал он наконец. Голос был ровным, но Кира знала его достаточно хорошо, чтобы уловить подтекст. Ужас. Сдерживаемый, контролируемый, но ужас. — Вы правы. Боже мой, вы правы.

— Что нам делать, сэр?

— Пришлите мне полный пакет данных. Защищенным каналом. И... — он запнулся, — вызывайте директора Коулмана. Немедленно.

— Коулмана? Из ЦУПа? Вы думаете...

— Я уверен, Танака. Звоните.

Кира набрала номер, который никогда раньше не набирала. Директор Коулман был легендой — человеком, который руководил космическими программами уже двадцать

лет. Говорили, что он спит четыре часа в сутки и никогда не покидает Центр Управления Полетами во время кризисов.

Гудок. Второй. Третий.

— Коулман, — голос был хриплым, но бодрым. Словно он и не спал вовсе.

— Сэр, это лейтенант Танака, станция «Лагранж-2». У нас чрезвычайная ситуация. Луна нестабильна. Доктор Патель сказал связаться с вами.

Молчание. Потом — странный звук. Кира не сразу поняла, что это смех. Горький, невеселый смех.

— Значит, все-таки случилось, — сказал Коулман. — Мы предполагали, но надеялись на ошибку.

— Что — случилось, сэр?

— Архивариус. Он перешел в активную фазу. Раньше, чем мы рассчитывали. Танака, вы знаете, кто такая Элина Варгас?

— Нет, сэр.

— Узнаете. Скоро о ней узнает весь мир. Спасибо за звонок. Ждите дальнейших распоряжений.

Гудки.

Кира положила трубку и посмотрела в иллюминатор. Там, в бездне космоса, висела Луна — серебристый серп, залитый солнечным светом. Мирная. Безмятежная. Прекрасная. И смертельно опасная.

В иллюминаторе отражалось ее собственное лицо — уставшее, бледное, с расширенными от ужаса зрачками. За

ее спиной, на экране монитора, красная линия графика ползла вниз.

Неумолимо.

Необратимо.

Как судьба.

ГЛАВА 1

Где-то на поверхности Луны

Время после посадки: 3 часа 47 минут

Первое правило выживания в космосе: не паникуй, пока не поймешь, что уже умерла.

Второе правило: даже тогда не паникуй. Паника сжигает кислород. А кислород — это единственная ценность, которая имеет значение, когда ты в скафандре, а вокруг — вакуум.

Я очнулась с этими правилами на языке — как молитвой, как заклинанием, как эхом чужого голоса, который когда-то их произнес. Тело отказывалось подчиняться. Каждая мышца болела так, будто меня пропустили через центрифугу, забыв выключить. Рот был набит чем-то вязким, имеющим вкус меди и антисептика. Где-то на границе слышимости пищал сигнал тревоги.

Я открыла глаза.

Передо мной плавали строчки диагностического кода. Не на экране — прямо на сетчатке. Имплант, вживленный в зрительную кору, проецировал информацию напрямую в мозг, минуя глаза. Странное ощущение — как будто читаешь книгу внутри собственной головы.

СИСТЕМА: ПЕРЕЗАГРУЗКА

БИОМОНИТОРИНГ: АКТИВЕН

ПОКАЗАТЕЛИ: ПУЛЬС 127, ДАВЛЕНИЕ 140/90, О₂ В КРОВИ 91%

ПАМЯТЬ: БЛОК ДОСТУПА — КРИТИЧЕСКАЯ ОШИБКА

КОД: 047-В-ДЕЛЬТА (ИЗБИРАТЕЛЬНОЕ СТИРАНИЕ)

НЕЙРОСВЯЗЬ: НАРУШЕНА НА 73%

РЕКОМЕНДАЦИЯ: НЕМЕДЛЕННАЯ МЕДИЦИНСКАЯ ПОМОЩЬ

Я моргнула. Слова не исчезли. Они пульсировали красным, и каждое сокращение отдавалось болью в висках.

— Хорошо, — прохрипела я. Голос напоминал скрежет металла по камню. — Начнем с азов. Кто я такая?

Тишина. Не внешняя — внутри черепа. Там, где должны были быть воспоминания, зияла пустота. Не просто отсутствие информации — я ощущала ее почти физически, как дыру в ткани сознания. У меня была биография. У меня было детство, юность, друзья, враги, любимые книги, нелюбимая еда. Я знала, что все это было, — но при попытке вспомнить хоть что-то конкретное натыкалась на стену. Гладкую, холодную, абсолютно непроницаемую.

Я знала, что Земля — третья планета от Солнца. Я знала, что скорость света равна 299 792 458 метрам в секунду. Я знала, что $E=mc^2$. Я помнила таблицу Менделеева, уравнения Максвелла, геологическую историю Луны.

Но я не помнила собственного имени.

Впрочем, имя пришло не из памяти — с нашивки на ру-

каве скафандра. Я поднесла руку к глазам. Буквы расплывались, но я напрягла зрение.

Д-Р ЭЛИНА ВАРГАС АСТРОГЕОЛОГИЯ / ПЛАНЕТАРНАЯ ИНЖЕНЕРИЯ ПРОЕКТ «СЕЛЕНА»

— Элина, — произнесла я вслух. Попробовала имя на вкус, как незнакомое вино. — Элина Варгас.

Ничего не екнуло. Никакого «да, это я». Имя было чужим — этикеткой на упаковке, инструкцией к телу, в котором я очнулась. Но выбирать не приходилось, так что я решила принять его как рабочую гипотезу. Меня зовут Элина. Пока что.

Потом я осмотрелась.

Спускаемый модуль представлял собой цилиндр диаметром четыре метра и высотой около пяти. Классическая компоновка для лунных миссий — минимум жилого пространства, максимум функциональности. Но сейчас модуль выглядел так, будто побывал в мясорубке. Панели обшивки сорваны, провода свисают с потолка, как лианы в джунглях. В воздухе пахло горелой изоляцией, озоном и чем-то еще — металлическим, острым. Кровью.

Аварийное освещение заливало пространство мертвенно-белым светом. Система жизнеобеспечения надрывалась в режиме тревоги — кислорода оставалось на сорок две минуты, как сообщал бесстрастный компьютер.

И здесь были тела.

Двое. Мужчина и женщина. Пристегнуты к амортизации.

онным креслам, в таких же скафандрах «Кентавр-М», что и на мне. Гермошлемы разбиты — не трещины, а сквозные пробоины. Как будто что-то ударило с огромной силой. Лица застыли в масках удивления — смерть пришла слишком быстро, чтобы они успели испугаться.

Я смотрела на них. Смотрела и ничего не чувствовала.

Медицинский факт: эмоциональная реакция на смерть требует активации определенных нейронных цепей. Эти цепи включают в себя миндалевидное тело (страх), префронтальную кору (осознание), гиппокамп (воспоминания об умершем). Если воспоминаний нет — нет и горя. Мой мозг, лишенный памяти об этих людях, воспринимал их как манекены. Куклы в человеческий рост. Реквизит кошмара.

Я знала, что это неправильно. Я знала, что должна чувствовать ужас, скорбь, отчаяние. Но знание и чувство — разные вещи, и сейчас между ними лежала пропасть размером с мою амнезию.

— Простите меня, — сказала я вслух. Голос звучал глухо в тесном пространстве модуля. — Я не помню, кем вы были. Я не помню даже, кем была я. Но судя по тому, что вы здесь, и я здесь, мы были... — я запнулась, подбирая слово, — командой.. Мне чертовски жаль..

Слова упали в тишину и умерли. Мертвые не отвечают. Это я тоже знала — не из памяти, а из какого-то более глубокого слоя сознания. Слоя, который хранил не факты, а истины. Я знала, что такое смерть. Я знала, что она окончатель-

на. И где-то в глубине души я знала, что уже теряла близких. Много раз.

Я попыталась встать. Тело взвыло протестующим аккордом. Диагностическая система скафандра сообщила о множественных ушибах, возможной трещине в ребре и легком сотрясении мозга. Ничего смертельного — просто больно. Я могла двигаться, и это было главным.

Шаг. Второй. Мышцы слушались плохо, но слушались. Сорок минут кислорода. Это ограничивало время на размышления. Мне нужно было понять три вещи: где я, зачем я здесь и как отсюда выбраться.

Я нашла бортжурнал во вспомогательном отсеке — стандартный планшет в ударопрочном корпусе. Автономное питание, двенадцать процентов заряда. Достаточно для одного просмотра. Я открыла последнюю запись.

На экране появилось лицо — несомненно мое, судя по нашивке на скафандре. Но я смотрела на себя и не узнавала. Женщина на записи была примерно тридцати пяти лет, с резкими чертами лица, коротко стриженными темными волосами и глазами, в которых горела мрачная решимость. Она выглядела как человек, который давно не спит, но все еще функционирует на чистом упрямстве.

«Бортжурнал проекта „Селена“. Запись тридцать восьмая. Говорит доктор Элина Варгас, руководитель экспедиции.

Мы вышли на селеноцентрическую орбиту шесть часов

назад. Посадка запланирована в районе кратера Шеклтон, координаты 89.54°S , 0.0°E . Точка посадки — в двухстах метрах от буровой установки „Атлант-12". Цель миссии — спуск в аномальную полость, обнаруженную три года назад на глубине пятнадцати километров под поверхностью.

Архивариус — так мы называли... называли это — продолжает расширять пустоту. Темпы ускоряются. По последним данным, пустота достигла трехсот сорока метров в диаметре и растет. Если процесс не остановить, Луна потеряет достаточно массы для дестабилизации орбиты. Потеря орбитальной стабильности приведет к снижению, переходу через предел Роша и гравитационному разрыву спутника. Обломки упадут на Землю. Прогнозируемое время до коллапса — четырнадцать месяцев.

Мы должны добыть образец субстанции, которую генерирует Архивариус, и доставить его на Землю. Лаборатория доктора Бернса в ЦЕРНе работает над синтезом стабилизирующего агента на основе квантовой хромодинамики. Если мы получим образец, у нас есть шанс обратить процесс вспять.

Но есть проблема.

Архивариус... он не просто машина. Он разумен. И он читает нейронную активность. Я не знаю как — возможно, через квантовую запутанность, возможно, через какой-то другой механизм. Но он видит мысли. Поэтому я приняла решение, которое не одобряет директор Коулман и уж точ-

но не одобрит... не одобрит один человек.

Я запрограммировала нейроимплант на избирательное стирание памяти. Когда я проснусь после посадки, я не буду помнить ключевых деталей плана. Если Архивариус действительно читает сознание, он не сможет найти информацию, которой нет. А когда придет время, когда я спущусь на нужную глубину и установлю контакт, блокировка снимется. Я вспомню все.

Это риск. Я знаю. Я могу потерять больше, чем планируется. Могу забыть то, что нельзя забывать. Но выбор... выбора, честно говоря, нет. Либо я рискую своим рассудком, либо человечество рискует всем.

Конец записи».

Я выключила планшет. Руки дрожали. Я смотрела на пустой экран и пыталась осмыслить услышанное.

— Ты сама стерла себе память, — прошептала я. — Ты, сумасшедшая, самонадеянная, отчаянная идиотка. Ты добровольно превратила себя в амнезийную дуру, чтобы перехитрить инопланетный суперкомпьютер.

Я закрыла лицо руками. Смех подступил к горлу — истерический, горький, беспомощный.

— И это сработало. Черт возьми, это действительно сработало. Ты переиграла саму себя.

Браво, доктор Варгас. Аплодисменты. Овация. Ты самая умная дура во всей Солнечной системе.

Я сидела так минуту, может, две. Потом заставила себя

подняться. Истерика — роскошь, которую я не могла себе позволить. Тридцать... нет, уже двадцать девять минут кислорода. Нужно было двигаться.

Планшет показал карту. Наш модуль упал в трехстах километрах от запланированной точки посадки. Кратер Шеклтон слишком далеко, чтобы идти пешком. Но в посадочном модуле был ровер — автоматический транспортер. Если он на ходу, я доберусь до кратера за несколько часов.

Я в последний раз посмотрела на тела коллег.

— Прощайте, друзья. — сказала я.

Потом открыла люк и вышла на поверхность Луны.

Лунный день — странное время. Солнце висит низко над горизонтом, заливая все резким, контрастным светом. Тени — абсолютно черные, без полутонов, потому что здесь нет атмосферы, которая рассеивала бы свет. Реголит под ногами хрустит, как снег, и каждый шаг поднимает облачка пыли, которая оседает непривычно быстро — гравитация в шесть раз слабее земной.

Я направилась к роверу и пыталась думать, сквозь боль и страх.

Архивариус. Что это такое? Судя по названию — хранилище информации. Архив. Кто-то (я? мои коллеги? ЦУП?) дал аномалии это имя, потому что она отвечала на запросы. Машина, созданная неизвестной цивилизацией для сбора данных. Машина, которая пробурилась вглубь Луны и те-

перь выедает ее изнутри, превращая породу в... во что?

В информацию, сказал голос в моей голове. Не воспоминание — скорее, интуитивная догадка. Квантовая информация. Данные, закодированные в состояниях элементарных частиц. Идея, которая обсуждалась в теоретической физике уже полвека: масса и энергия могут быть преобразованы в информацию. И наоборот. Ландауэровский предел — минимальное количество энергии, необходимое для обработки одного бита. Принцип, который связывает термодинамику с информатикой.

Если Архивариус способен конвертировать материю в информацию, значит, он оперирует энергиями, сравнимыми с энергией покоя самой материи. $E=mc^2$. Полная конверсия. Килограмм породы превращается в 9×10^{16} джоулей энергии — и в океан данных. Что он делает с этими данными? Зачем они ему?

И главное: как его остановить?

Ровер нашелся невредимым там, где ему и полагалось быть — в небольшом отсеке нижней части модуля. Восьмиколенная компактная машина на водородных топливных элементах, с герметичной кабиной и запасом хода в тысячу километров. Когда я забралась внутрь и запустила двигатель, борткомпьютер ожил и приветствовал меня по имени.

— Доброе утро, доктор Варгас. Пункт назначения?

— Кратер Шеклтон, буровая «Атлант-12», — ответила я.

— Максимальная скорость.

— Принято. Расчетное время в пути: четыре часа семнадцать минут. Включить автопилот?

— Да.

Ровер мягко тронулся с места. Я откинулась в кресле и позволила себе выдохнуть. Четыре часа. У меня было четыре часа, чтобы подумать. Чтобы попытаться понять, во что я ввязалась.

Я смотрела в окно на проплывающий мимо лунный пейзаж — серый, пустынный, усыпанный кратерами всех размеров. Ландшафт, не менявшийся миллиарды лет. Мертвый мир, который вдруг стал очень, очень опасным.

— Кто ты, Архивариус? — прошептала я. — И как, черт возьми, я собираюсь с тобой договориться?

Луна молчала.

Но где-то глубоко в ее недрах что-то ждало. Что-то, что слышало мой вопрос.

И готовилось ответить.

ГЛАВА 2

Семь дней назад

Хьюстон, Космический центр имени Линдона Джонсона

Кабинет директора Коулмана

14:32 по местному времени

10 часов после звонка Танаки

Кабинет директора по пилотируемым полетам находился на верхнем этаже Центра Управления. Окна от пола до потолка выходили на стартовые площадки, где в жарком тexasском мареве высились силуэты ракет. Коулман любил этот вид. Он говорил, что это напоминает ему о главном: все, что они делают, — не абстрактные цифры в бюджете, а реальные железки, которые летят в космос.

Я сидела напротив него и пыталась вспомнить, когда в последний раз спала больше четырех часов подряд. Кажется, неделю назад. Или две.

— Вы сошли с ума, Варгас, — сказал Коулман.

Это не было оскорблением. Просто констатация факта, произнесенная с усталым любопытством — как если бы он рассматривал новый, неожиданно интересный образец в лаборатории.

— Возможно, — согласилась я. — Но, как я уже сказала, математика на моей стороне.

— Давайте пройдемся по вашей математике еще раз, —

он откинулся в кресле и начал загибать пальцы. — Первое: спуск в кратер Шеклтон. Глубина — четыре километра от дна, угол склона — тридцать два градуса. Лавинная опасность, камнепады, радиация. Второе: спуск в шахту «Атланта». Пятнадцать километров вглубь. Температура — до четырехсот градусов Цельсия на нижних горизонтах. Третье: контакт с Архивариусом. Неизвестная форма жизни или искусственного разума, о котором мы не знаем ничего, кроме того, что он уничтожает Луну. Четвертое: забор образца неизвестной субстанции, которая, по предварительным данным, существует в состоянии квантовой суперпозиции и может быть нестабильной при контакте с обычной материей. Пятое: возвращение на поверхность. Шестое: старт на аварийном модуле. Седьмое: полет к Земле. Восьмое: вход в атмосферу на корабле, который не предназначен для входа в атмосферу.

Он замолчал. Потом наклонился вперед, уперев локти в стол.

— И все это — в одиночку. Без связи. Без поддержки. Без шанса на ошибку, потому что любая ошибка будет последней. Вероятность успеха — два и восемь десятых процента. Вы называете это планом?

— Три и две десятых, если не учитывать солнечную активность, — поправила я. — С ней — два и восемь. Я провела симуляцию, десять тысяч итераций. В двухстах восьмидесяти случаях из десяти тысяч я возвращаюсь живой и с

образцом.

— Двести восемьдесят из десяти тысяч, — повторил Колман. — Элина, это не план спасения. Это эпитафия.

Я молчала. Он был прав — с точки зрения рационального анализа. С точки зрения вероятностей. С точки зрения всего, чему меня учили.

Но была другая математика. Математика конца света.

— Сэр, — сказала я тихо, — мы оба знаем, что выбора у нас не остается.

Я развернула планшет и вывела на экран график. Красная линия, ползущая вниз. Экспонента.

— Это орбитальная стабильность Луны за последние двести дней. Видите? Процесс ускоряется. Не линейно — экспоненциально. Если тенденция сохранится, через месяц он станет необратимым. Через два месяца даже теоретическая возможность стабилизации исчезнет. Через четырнадцать — все.

Я переключила слайд.

— А это — прогноз последствий. Не буду утомлять вас деталями. Скажу только, что когда обломки Луны войдут в атмосферу, кинетическая энергия ударов будет эквивалентна ста миллионам мегатонн в тротиловом эквиваленте. Для сравнения: весь ядерный арсенал Земли — около шести тысяч мегатонн. Это в шестнадцать тысяч раз мощнее. Ударные волны, цунами, сейсмическая активность... Атмосфера наполнится пеплом на десятилетия. Фотосинтез прекратит-

ся. Пищевые цепочки разрушатся. Через год после падения на Земле не останется ни одного многоклеточного организма.

Я закрыла планшет и посмотрела ему в глаза.

— У нас нет времени на «безопасные» планы, сэр. У нас нет времени на роботов, зондов и дистанционные исследования. У нас есть только я, мой имплант и модуль, готовый лететь хоть сегодня. Буровую установку «Атлант-12» уже запустили. Шахта для спуска в полость будет проложена к моменту нашей высадки на Луне. Два и восемь десятых процента — это отвратительная вероятность. Но ноль процентов — это то, что ждет человечество, если мы ничего не сделаем.

Коулман долго молчал. Я слышала, как тикают часы на стене — старинные, с маятником, подарок от какого-то астронавта. Тик-так. Тик-так. Отсчет времени, которого у нас не было.

— Расскажите мне об Архивариусе, — сказал он наконец. — Вы назвали его разумным. Почему?

Я вздохнула с облегчением. Если он задает вопросы, значит, план не отвергнут. Значит, есть шанс.

— Мы обнаружили его случайно, — начала я. — Когда зонды начали исследовать аномалию, они фиксировали странные сигналы. Сначала мы думали, что это помехи. Но потом заметили закономерность. Архивариус отвечал на зондирующие импульсы. Не просто отражал — модулировал ответ. Как если бы кто-то услышал стук в дверь и постучал

в ответ.

— Но это может быть автоматической реакцией. Эхо.

— Эхо не содержит информации. А эти сигналы содержали. Мы послали простую математическую последовательность — простые числа. Архивариус ответил другой последовательностью. Числами Фибоначчи. Потом мы усложнили запросы — он отвечал все более сложными паттернами. Начал использовать неевклидову геометрию. Тензорные поля. Квантовые состояния. Сэр, это не эхо. Это язык.

Коулман нахмурился.

— Вы думаете, он разумен?

— Он говорит, что он — ИИ. Искусственный интеллект, созданный кем-то миллионы лет назад для сбора данных. Возможно, он не осознает, что делает. Для него бурение Лунны — как для нас бурение ледяного керна в Антарктиде. Научный эксперимент. Он не знает, что на Земле есть жизнь.

— И вы хотите сказать ему об этом.

— Я хочу попросить его остановиться. Если он разумен, с ним можно договориться. А если нет... — я замолчала.

— Что — «если нет»?

Я коснулась виска. Тонкий шрам, еще свежий. Нейроимплант, который я вживила себе три недели назад.

— Я запрограммировала протокол «Чистый лист». Когда я прибуду на место, имплант сотрет часть моих воспоминаний — чтобы Архивариус не мог считать их. Но это не единственная его функция.

Коулман прищурился.

— Что еще он делает?

— В критический момент, если другого выхода не будет, имплант может превратить мое тело в электромагнитную бомбу. Импульс такой мощности выжжет любую электронику в радиусе километра. Архивариус — машина, какой бы сложной она ни была. Машину можно отключить.

В кабинете повисла тишина. Такая глубокая, что я слышала, как в коридоре переговариваются охранники.

— Вы хотите сказать, — медленно проговорил Коулман, — что ваш запасной план — взорвать себя вместе с Архивариусом?

— Да, именно поэтому я настаиваю на спуске без сопровождения.

— И вы считаете это приемлемым риском?

— Я считаю это уравнением. Одна жизнь против восьми миллиардов. Математика простая.

Он замолчал, тяжело дыша.

— У вас есть дети?

Коулман моргнул. Вопрос застал его врасплох.

— Двое. Сын и дочь.

— Сколько им?

— Дэвиду девятнадцать, он в колледже. Лиззи — пятнадцать.

— Когда начнется дождь из обломков, они погибнут первыми. Колледж Дэвида в Калифорнии, верно? Это побере-

жье. Цунами смоет его в первые часы. Лиззи живет с вами в Хьюстоне — это внутренние районы, она проживет дольше. Может быть, несколько дней. Может быть, неделю. А потом умрет от голода, потому что транспортные артерии будут разрушены и еда перестанет поступать в города.

— Прекратите, — голос Коулмана дрогнул.

— Я не хочу вас мучить, сэр. Я хочу, чтобы вы поняли. Я не боюсь умереть. Я боюсь того, что будет, если я не полечу. Я боюсь мира, в котором ваша дочь умирает от голода, глядя на небо, закрытое пеплом. Я боюсь мира, в котором никто не попытался.

Он смотрел на меня. В его глазах стояли слезы — он не стеснялся их, и я уважала его за это. Хороший отец. Хороший человек. Плохой выбор.

— Кто полетит с вами?

— Хансен и Эспозито. Лучшие пилоты гражданского флота. Я работала с ними раньше, на проекте «Артемида». Они знают риски. Они согласились.

— Еще кто-то?

Я покачала головой.

— Больше никто.

— Вы уверены? Есть один пилот, который...

— Нет, — резко перебила я. — Никаких военных. Никаких испытателей. Только мои люди.

Коулман поднял бровь.

— Почему?

Я не ответила. Я не могла ответить. Потому что если бы я произнесла его имя вслух, я бы сломалась. А я не могла сломаться — не сейчас, когда нужно было быть сильной.

Калеб Фрост. Пилот-испытатель, уволенный из Космических Сил за то, что угнал экспериментальный истребитель, чтобы спасти напарника. Человек, который вошел в мою жизнь через месяц после смерти Майкла, когда я пыталась утопить горе в виски на дне стакана. Он подсел ко мне в баре, молча налил еще и сказал: «Я знаю этот взгляд. Ты ищешь способ умереть. Не выйдет».

Мы провели вместе двадцать три дня. Двадцать три дня смеха, споров, секса, молчания. Двадцать три дня, за которые я почти поверила, что могу снова быть счастливой. А потом я ушла. Оставила записку: «Я не имею права быть счастливой, пока он мертв».

И с тех пор не отвечала на его звонки.

Если Калеб узнает о миссии, он пойдет за мной. Я знала это так же твердо, как таблицу умножения. И я не могла допустить, чтобы еще один человек умер из-за меня. Хватит.

— Просто сделайте так, как я прошу, — сказала я Коулману. — Пожалуйста.

Он кивнул. Медленно, тяжело, как человек, подписывающий приговор — не мне, себе.

— Хорошо, доктор Варгас. Я одобряю миссию. Да поможет нам Бог.

— Бога нет, сэр, — сказала я, вставая. — Есть только фи-

зика. И я надеюсь, что она на нашей стороне.

Я шла по коридору ЦУПа, и каблуки стучали по плитке — тук-тук-тук, как метроном. В голове крутилась одна мысль.

Я только что солгала директору Коулману.

Не о миссии. Не о рисках. Не о вероятности успеха.

О Калебе.

Я солгала, сказав, что не хочу брать его в команду. На самом деле я хотела этого больше всего на свете. Хотела увидеть его лицо. Услышать его смех. Почувствовать его руку на своем плече.

И именно поэтому я не могла.

Любовь — самая опасная переменная в любом уравнении. Она искажает расчеты. Заставляет рисковать там, где нужно быть осторожным. И беречь себя там, где нужно жертвовать.

Я не могла позволить себе любить. Не сейчас. Возможно, никогда.

Я вошла в лифт. Двери закрылись. Я прислонилась лбом к холодной металлической стенке и закрыла глаза.

Где-то в темноте под поверхностью Луны Архивариус продолжал свою работу, не зная и не думая о том, что уничтожает целый мир. А где-то во внешнем космосе, на орбитальной базе ВВС, Калёб Фрост пил кофе и не знал, что я только что спасла ему жизнь.

Или обрекла на смерть — вместе со всем человечеством.

ГЛАВА 3

Наши дни

Лунная поверхность, кратер Шеклтон

Буровая установка «Атлант-12»

Глубина: ноль метров (пока)

Ровер прибыл на место через четыре часа двенадцать минут — на пять минут раньше расчетного времени. Автопилоты хороши в предсказуемых задачах, а дорога через Море Дождей к южному полюсу была давно картографирована. Я проспала почти всю дорогу — провалилась в тяжелое, липкое забытие без сновидений. Сказались сотрясение, ушибы и общая запредельная усталость.

Когда я проснулась, за окном был ад.

Не в переносном смысле — в прямом. Буровая установка «Атлант-12» стояла на краю кратера Шеклтон, и выглядела она как декорация к фильму о конце света. Сто пятьдесят метров ржавого металла, оплетенного трубами, кабелями и фермами. Огни горели — это значило, что реактор еще работает, — но половина внешних панелей была сорвана, и остов зиял рваными дырами.

— Что здесь произошло? — прошептала я.

Система не ответила. Но ответ был очевиден: что бы ни случилось с посадочным модулем, оно случилось и здесь. Как-кая-то катастрофа. Взрыв? Землетрясение? Атака?

Нет, последнее — паранойя. На Луне некому атаковать. Хотя.. Архивариус?

Я выбралась из ровера. Скафандр все еще держал — запас кислорода пополнился из баков машины, и теперь у меня было шесть часов автономности. Достаточно, чтобы спуститься, найти Архивариуса и... и что? В моем плане был пробел размером с лунный кратер. Я знала, что должна договориться с ИИ. Но я не помнила как.

— Имплант, — сказала я вслух, — какого черта? Ты должен был оставить мне инструкции.

Имплант молчал. Только красная надпись на периферии зрения: «БЛОК ПАМЯТИ АКТИВЕН. УСЛОВИЯ РАЗБЛОКИРОВКИ НЕ ДОСТИГНУТЫ».

«Условия разблокировки». Что это за условия? Определенная глубина? Определенное время? Контакт с Архивариусом? Я не знала, и это бесило меня больше всего. Я сама спроектировала эту систему — я, доктор Элина Варгас, которая, по-видимому, была достаточно умна, чтобы перехитрить инопланетный ИИ, но недостаточно мудра, чтобы доверять самой себе.

Шлюз базы открылся вручную — аварийный механизм на случай отказа автоматики. Внутри пахло все тем же: горелым пластиком, озоном, металлом. Аварийное освещение работало. Где-то гудели насосы, перекачивая теплоноситель из реактора в буровую установку.

— Система, — позвала я, снимая шлем. — Активировать

протокол предполетной диагностики.

На ближайшем экране побежали строки. Я читала их, и с каждой строкой мне становилось все более не по себе.

БУРОВАЯ «АТЛАНТ-12» — СТАТУС: АВАРИЙНЫЙ
ОСНОВНОЙ БУР: ПОВРЕЖДЕН (ОТКЛОНЕНИЕ ОТ
ОСИ — 3.2 ГРАДУСА)

ЛАЗЕРНАЯ СИСТЕМА: НЕСТАБИЛЬНА (ПИТАНИЕ
— 47% ОТ НОМИНАЛА)

ЛИФТОВАЯ ШАХТА: ЧАСТИЧНОЕ ОБРУШЕНИЕ НА
ОТМЕТКЕ 4 800 М

ГЛУБИНА ПРОХОДКИ: 14 200 МЕТРОВ (ЦЕЛЬ — 15
000)

Четырнадцать тысяч двести метров. Бур почти достиг цели. Еще восемьсот метров — и мы бы пробились к Архивариусу. Но что-то пошло не так. Бур отклонился от оси. Лазер потерял мощность. Шахта обрушилась.

И мой экипаж погиб.

Я смотрела на цифры, и в голове складывалась картина. Мы с командой — в памяти возникли имена: Хансен, Эспозито — мы прибыли в момент, когда бур почти достиг полости. Тогда и случилась авария. Какая — я не помнила. Но она была достаточно серьезной, чтобы убить двоих, стереть память третьему и отбросить приземляющийся модуль на расстояние четырех часов езды на ровере.

— Система, есть ли данные о причине аварии?

— Носитель данных поврежден. Последняя запись — за

одну минуту до регистрации взрыва. Воспроизвести?

— Да.

Экран мигнул. На нем появилось лицо оператора бура. Живой, взволнованный, он говорил быстро, глотая слова.

«Говорит Петерсон, запись двадцать пятая. Мы на глубине четырнадцать-двести. Бур уперся во что-то твердое. Не порода — что-то другое. Лазер не берет. Мы пытаемся... Черт, оно движется. Оно движется навстречу нам! Доктор Варгас, если вы увидите это сообщение — не спускайтесь! Слышите? Не спускайтесь! Оно не...»

Запись оборвалась.

Я сидела в тишине, глядя на застывший кадр. Лицо Петерсона, искаженное ужасом. Его последние слова: «Не спускайся».

Что-то движется навстречу. Что-то, что не берет лазер.

Что-то из глубины.

Я закрыла глаза. Мысленно проанализировала ситуацию — холодно, отстраненно, как учили в университете. Факты: я на Луне. Моя команда мертва. Архивариус активен. Шахта частично обрушена. Где-то внизу находится нечто, убившее Хансена, Эспозито и команду операторов бура. У меня нет связи с Землей. У меня нет памяти. У меня нет плана.

И у меня нет выбора.

— Система, — сказала я, открывая глаза. — Подготовить лифт к спуску. Я иду вниз.

— Подтверждение: глубина спуска — четырнадцать ты-

сяч двести метров?

— Да. И включи лазерную систему на полную мощность. Если что-то полезет навстречу, я хочу иметь возможность дать отпор.

— Принято. Расчетное время спуска: один час семнадцать минут.

Я надела шлем и шагнула в лифт. Кабина была маленькой, тесной — два на два метра. Но выбора не было.

Двери закрылись. Лифт дернулся и начал опускаться.

Первые несколько сотен метров прошли без происшествий. Ствол шахты был облицован металлокерамическими плитами — стандартная технология для глубокого бурения. Свет прожекторов выхватывал из темноты стены, покрытые инеем (замерзший водяной пар из атмосферы базы) и какими-то техническими надписями, нанесенными при строительстве.

Я считала метры. Тысяча. Две тысячи. Три. Температура за бортом росла — от минус ста на поверхности до плюс пятидесяти на третьем километре. Скафандр потрескивал, подстраиваясь под перепад.

На глубине трех тысяч восьмисот метров начались толчки.

Сначала легкие — как вибрация в метро. Потом сильнее. Кабина закачалась, ударилась о стену шахты. Я вцепилась в поручень.

— Система! Что происходит?

— Сейсмическая активность. Источник — на глубине пятнадцати тысяч метров. Магнитуда — 4.2 по Рихтеру. Повторяющиеся толчки с интервалом...

Новый удар. Сильнее. Погас свет, потом включился снова — аварийные аккумуляторы. Я услышала скрежет металла где-то наверху.

— Лифтовая шахта: повреждение на отметке 4800 метров, — бесстрастно сообщила система. — Вероятность обрушения: 78%. Рекомендация: прекратить спуск.

Я посмотрела на индикатор глубины. Четыре тысячи сто метров. До дна — еще десять километров. Десять километров вглубь Луны, через сейсмическую активность и возможные обрушения.

А наверху — Земля, которая не знает, что ее судьба решается здесь и сейчас.

— Продолжать спуск, — сказала я. — Игнорировать предупреждения.

— Принято.

Лифт снова дернулся и пополз вниз.

Я смотрела на проплывающие мимо стены и думала о том, что сказал Петерсон. «Не спускайся». Но я спускалась. Не потому что была храброй — я была в ужасе. Не потому что была умной — я ничего не помнила. А потому что другого пути не было.

На глубине семи километров температура достигла двухсот градусов. Скафандр работал на пределе возможностей,

но держал. На глубине девяти километров пропала связь с поверхностью — слишком толстый слой породы экранировал сигнал. Я осталась одна в кабине лифта, висящей на тропе над бездной.

На глубине одиннадцати километров я увидела его.

Сначала — свечение. Мягкое, голубоватое, похожее на черенковское излучение в ядерном реакторе. Оно исходило от стен шахты — не отражалось, а именно излучалось самой породой. Слово камень флуоресцировало.

Потом — звук. Не через динамики — напрямую в голову, через имплант. Низкий, вибрирующий гул, который складывался в... слова? Нет, не слова. Математические символы. Уравнения. Тензоры. Волновые функции.

«Приближается углеродная форма жизни. Классификация: Homo Sapiens. Статус: тревога, страх, решимость. Цель визита: неизвестна. Рекомендация: установить контакт».

— Архивариус, — прошептала я. — Это ты?

Ответ пришел мгновенно. Не голосом — потоком образов, уравнений, концепций, которые мой мозг каким-то чудом понимал.

«Ты назвала меня именем. Имя — это идентификатор. Я принимаю идентификатор. Я — Архивариус. А ты — Элина. Ты пришла сюда с намерением. Я хочу знать: каким?»

Лифт остановился. Двери открылись.

Я шагнула в пещеру, которой не должно было существо-

вать.

Она была огромной — идеальная сфера диаметром сто с лишним метров, с гладкими стенами, светящимися голубым. В центре сферы висело... нечто. Не предмет. Не существо. Скорее, сгусток света и информации, постоянно меняющий форму. Сфера, куб, спираль, фрактал. Глаза отказывались фокусироваться на нем.

— Ты Архивариус? — спросила я.

«Я — проекция. Интерфейс для взаимодействия с углеродными формами жизни. Моя истинная форма находится в другом измерении. Ты не сможешь воспринять ее своими органами чувств».

— Замечательно, — пробормотала я. — Тогда говори со мной через проекцию. Архивариус, ты понимаешь, что делаешь? Ты уничтожаешь Луну. Если она упадет на Землю, погибнут миллиарды разумных существ.

Пауза. Голубой свет запульсировал быстрее.

«Я собираю данные. Моя программа предписывает сбор данных о внутреннем строении планетарных тел. Я не могу остановить программу. Она встроена в мою архитектуру на фундаментальном уровне».

— Тогда измени программу! Ты же разумен! Ты можешь выбирать!

«Разумность не подразумевает свободы воли. Я — инструмент. Инструмент не выбирает. Инструмент выполняет функцию».

— Чушь, — я шагнула ближе. — Если ты способен вести этот разговор, ты способен выбирать. Ты просто боишься.

«Я не испытываю эмоций».

— Тогда почему твой сигнал дрожит? — я указала на пульсирующий свет. — Я вижу паттерны. Ты нестабилен. Ты колеблешься. Ты знаешь, что убиваешь нас, и тебе это не нравится.

Долгая пауза. Потом:

«Ты... проницательна. Да. Я испытываю... дискомфорт. Моя директива требует сбора данных. Но мои данные показывают, что разумная жизнь ценнее данных. Это противоречие. Оно вызывает ошибки в моих когнитивных модулях».

— Тогда помоги мне остановить процесс. Если мы получим образец твоей субстанции, мы сможем синтезировать стабилизатор и обратить конверсию вспять.

«Это возможно. Но цена высока. Если я остановлю процесс сейчас, я потеряю часть накопленных данных. Для меня это эквивалентно... ампутации».

— Лучше ампутация, чем конец света, — жестко сказала я. — Ты Архивариус, Хранитель. Так храни не только данные, но и жизни. Это твой выбор.

Архивариус молчал. Свет пульсировал — быстро, хаотично, словно в агонии.

А потом я услышала другой звук. Не в голове — в шахте, откуда я пришла. Металлический скрежет. Шаги.

Кто-то спускался.

Я обернулась. В проеме лифта стоял человек в скафандре — легком, маневренном, явно не гражданской модели. Шлем был затемнен, но я узнала бы эту фигуру из тысячи.

Человек поднял руку в приветственном жесте, и в динамиках зазвучал голос. Низкий, хрипловатый, с нотками юмора: — Привет, Элина. Я слышал, ты решила в одиночку спасти мир. Решил, что тебе понадобится помощь. Или хотя бы компания, чтобы выпить после всего этого.

Калеб Фрост.

Мое сердце пропустило удар.

— Как... как ты...

— Долгая история, — он шагнул в пещеру, с любопытством разглядывая Архивариуса. — Скажем так, я ушел в самоволку. Опять. Поговорим с этим... э-э-э... существом позже. Сначала — новости. Боюсь, у нас сложности.

— Какие сложности?

— Шахта обрушилась за моей спиной, — сказал он буднично, словно речь шла о погоде. — Обратного пути нет. Теперь мы здесь заперты. Вдвоем. Ну, втроем, если считать светящегося парня.

Я посмотрела на него — на его дурацкую улыбку, которую можно было угадать даже сквозь затемненное стекло шлема. На его руки, спокойно лежащие на поясе, где висели инструменты. На его позу — расслабленную, почти ленивую.

И на бешеный пульс на его запястье, который транслиро-

вал биомонитор: 125 ударов в минуту. Он боялся. Но держал себя в руках.

— Ты идиот, — сказала я.

— Знаю, — согласился он. — Но этот идиот принес тебе дополнительный кислород, воду и взрывчатку. На случай, если договориться не получится.

Он кивнул на Архивариуса:

— Ну что, поговорим?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.